

АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОЛИТИКЕ США В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ в 1917—1920 годах

А. Е. Кунина

Растущая популярность Советского Союза и его мирной политики среди простых людей всего мира вызывает противодействие со стороны правящих кругов США, которые заинтересованы в продолжении и углублении «холодной войны». Их агрессивные намерения вновь с полной очевидностью обнаружались в связи с вторжением американских военных самолетов-разведчиков на советскую территорию. Эти грубые военные провокации предпринимаются американскими агрессивными кругами с целью накалить международную атмосферу и вернуться к худшим временам «холодной войны».

Разжигание империалистическими кругами США «холодной войны» сопровождается активизацией идеологической борьбы. Усилия идеологов реакционной буржуазии направлены на то, чтобы, с одной стороны, защитить обреченный историей на гибель капиталистический строй и, в частности, оправдать агрессивные действия США, с другой — дискредитировать Советский Союз, прокладываящий человечеству путь к коммунизму. «В капиталистических странах,— отмечал Н. С. Хрущев,— вся пропагандистская машина — пресса, радио, телевидение — пущена в ход с целью обмануть людей, запутать их, представить сложившуюся ситуацию в извращенном виде. День и ночь эта пропаганда трубит, будто агрессивные действия американской военщины совсем не такая страшная вещь, как об этом заявляет Советский Союз»¹.

Большая роль в идеологической борьбе отводится буржуазной историографии, призванной снабжать реакционную пропаганду «историческими аргументами», которые оправдывали бы нынешнюю агрессивную политику правящих кругов США. В современных условиях историография стала одним из поприщ, на котором буржуазия, напуганная неумолимым ходом истории, развернула борьбу против марксистско-ленинской науки, раскрывающей объективный характер законов общественного развития и указывающей неизбежность падения господства буржуазии и победу нового, социалистического строя. Эта деятельность идеологов империализма проявляется как в виде открытой фальсификации и клеветы на марксизм при изложении исторических фактов, так и в более замаскированной форме, которая становится основной в условиях возрастающего с каждым днем международного авторитета Советского Союза и его все усиливающейся настойчивой борьбы за мир.

Пухлые тома исторических «исследований», прикрытые оболочкой наукообразности, служат интересам тех, кто, выражаясь словами Н. С. Хрущева, хочет «распространять всякого рода реакционные, чело-веконенавистнические идеи, хочет как-то опорочить марксистско-ленинские идеалы, защитить свой прогнивший империалистический строй»². Много таких «произведений» выбрасывается на книжный рынок США.

¹ «Правда», 29 мая 1960 года.

² «Правда», 11 октября 1959 года.

Пересмотреть историю советско-американских отношений с точки зрения нынешних политических целей американского империализма — такова задача, которую ставят перед собой не только авторы специальных работ, посвященных этому вопросу, но также и создатели общих книг по истории СССР, издающихся в США в большом количестве³.

Крупнейшей вехой в истории человечества явилась Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новой эры — эры торжества социализма и коммунизма. Как бы враждебно ни относились буржуазные историки к этому величайшему событию в истории человечества, обойти его они не могут. От грубой клеветы или замалчивания значения Великого Октября, как это делалось раньше, они вынуждены перейти к более замаскированным методам фальсификации.

К ним прибегают и авторы книг, посвященных политике США в отношении Советской России в период 1917—1920 гг., изданных на протяжении последних пяти-шести лет. Сюда относятся книги Уорта, Браудера, Унтербергера и др.⁴ Первое место среди них, бесспорно, принадлежит Джорджу Кеннану, написавшему два тома задуманной им трилогии («Россия выходит из войны» и «Решение об интервенции»), которые рецензировались в нашей печати⁵. Ниже мы вновь остановимся на них, потому что, судя по новейшим книгам, посвященным этим вопросам, а также по журнальным статьям, опубликованным в США, работа Кеннана является своего рода эталоном для американских историков⁶.

Какие цели преследует реакционная американская историография при изучении данного вопроса, наглядно показывает подготовляемая издательствами США «источниковедческая база» в виде переизданных в 1958 г. дневников Троцкого, воспоминаний Врангеля и тому подобных антисоветских измышлений⁷.

Авторы прежних и новых «исследований» интересующего нас периода не хотят дать действительно объективной оценки Великой Октябрьской социалистической революции. Они выступают против того неоспоримого факта, что Октябрь выражал чаяния народа, что он представлял собой историческую закономерность, подготовленную всем предшествующим развитием истории. Вместо этого они пишут об ошибках, промахах, упущениях империалистических держав и белогвардейской контрреволюции, пытаясь таким образом объяснить причины падения режима, существовавшего в России до октября 1917 года. По мнению реакционных американских авторов, немаловажной причиной победы Великой Ок-

³ G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven. 1958; W. Walsh. Russia and the Soviet Union. Ann Arbor. 1958; M. Karpovich. A Lecture on Russian History. Mouton Gravenhage. 1958; J. Gunther. Inside Russia To-day. New York. 1958; M. Wren. The Course of Russian History. New York. 1958; D. W. Treadgold. 20th Century Russia. Washington. 1959.

⁴ R. Warth. The Allies and the Russian Revolution. Durham. 1954; R. Browder. The Origins of Soviet-American Diplomacy. Princeton. 1953; B. Unterberger. America's Siberian Expedition. 1918—1920. Durham. 1956; J. S. Curtiss. The Russian Revolution of 1917. Princeton. 1957.

⁵ G. Kennan. Russia Leaves the War. Princeton. 1956; его же. The Decision to Intervene. Princeton. 1958. Рецензии на эти книги см. «Вопросы истории», 1957, № 8; «История СССР», 1957, № 1; «Новая и новейшая история», 1958, № 4; «Коммунист», 1958, № 13.

⁶ C. Jay Smith. Finland and the Russian Revolution 1917—1922. Athens. 1958; O. H. Radkey. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolution. Feb. to Oct. 1917. New York. 1958; Sister Anne Meiburger. Efforts of Raymond Robins toward the Recognition of Soviet Russia and the Outlawry of War 1917—1933. Washington. 1958; Claude E. Fike. The Influence of the Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations. 1917—1919. «Journal of Modern History» June 1959, № 2.

⁷ См., например, General Wrangel. Always with Honour. New York. 1958

тябрьской социалистической революции явилась будто бы недостаточная поддержка, оказанная Временному правительству Англией, Францией и особенно США. Будучи не в состоянии скрыть свою досаду по поводу недолговечности буржуазного Временного правительства, они видят причину его падения в ими же выдуманном «нежелании» правящих кругов США вмешиваться в русские дела.

Наиболее отчетливо эта точка зрения проявилась в книге Джорджа Кеннана «Россия выходит из войны», ставшей, как отмечалось выше, эталоном для американских «исследователей» этого вопроса⁸. Он обвиняет правительство Соединенных Штатов и официальных американских представителей в России во множестве допущенных ими «ошибок». С раздражением он пишет о том, что политика в отношении правительства Керенского была «недальновидной», «неэффективной»⁹. Американские миссии Рута и Стивенса, посланные в Россию летом 1917 г. для оказания поддержки Временному правительству, потерпели «жалкую неудачу». Что же касается официальных лиц, то они, по утверждению Кеннана, были совершенно некомпетентны в русском вопросе. Президент США Вильсон, заявляет Д. Кеннан, не был сведущ в русских делах, с государственным секретарем Лансингом, который разбирался в этом вопросе лучше него, он не считался. Посол США в России Френсис оказался «старым джентльменом» со странностями, несведущим в дипломатических делах¹⁰. В американском посольстве в Петрограде, как пишет Кеннан, царил неразбериха, велись интриги, не было налаженной связи с Вашингтоном.

Все эти «трагические обстоятельства» утверждает Кеннан, привели к тому, что США не смогли оказать должной и своевременной поддержки Керенскому. Вследствие непростительных «ошибок» правительства США Керенскому не удалось удержаться у власти и сохранить Россию как воюющую державу. Бессмертный исторический подвиг рабочих и крестьян России, которые под руководством Коммунистической партии своей героической борьбой вырвали страну из грабительской империалистической войны, а затем вывели ее на дорогу невиданного прогресса и расцвета, — этого Кеннан не хочет признать. Он видит лишь роковые «ошибки» США. Произошла «полная катастрофа», пишет Кеннан, в результате которой «бразды правления» в России были «захвачены» большевиками¹¹. Такими и подобными им выражениями пользуется Кеннан, описывая победу Великой Октябрьской социалистической революции.

Еще в 1919 г. американский коммунист Джон Рид в своей замечательной книге «10 дней, которые потрясли мир» остроумно высмеял клевету о «большевистской авантюре». «После целого года существования Советской власти, — писал он, — все еще модно называть восстание большевиков «авантюрой». Да, то была авантюра, и притом одна из поразительнейших авантур, на какие когда-либо осмеливалось человечество, — авантюра, бурей ворвавшаяся в историю во главе трудящихся масс и все поставившая на карту ради удовлетворения их насущных и высоких стремлений»¹².

Об ошибочности политики союзников, и в частности США, в отношении Временного правительства пишет американский историк Уорт в изданной им в 1954 г. книге «Союзники и русская революция», которая охватывает период от Февральской революции до заключения Брест-Ли-

⁸ После выхода в свет сочинения Кеннана ни одна из книг или статей, посвященных русско-американским отношениям в 1917—1920 гг., не обходится без ссылок на него. Опубликованная в июньском номере за 1959 г. журнала «The Journal of Modern History» статья К. Файка, посвященная начальному периоду советско-американских отношений, вся испещрена ссылками на Кеннана.

⁹ G. Kennan. *Russia Leaves the War*, pp. 12, 26.

¹⁰ Там же. стр. 22, 38, 116.

¹¹ Там же. стр. 26.

¹² Джон Рид. *10 дней, которые потрясли мир*. М. 1957, стр. 13.

товского мира¹³. Подобно Кеннану, хотя и в более завуалированной форме, Уорт стремится подвести читателя к уже известному нам выводу. По мнению Уорта, правительство Соединенных Штатов допустило ошибку, назначив послом такого «посредственного», «ограниченного» человека, как Френсис, который был «неплохим бизнесменом», но совершенно не разбирался в русских делах. Ошибочно было и назначение Рута главой американской миссии в Россию: следовало назначить «более либерально настроенного человека», указывает Уорт. По его мнению, не нужно было одновременно с миссией Рута посылать в Россию железнодорожную миссию Стивенса, ибо эти люди не ладили между собой, что приводило ко всяческим недоразумениям. Рут, считает Уорт, выдвинул неплохие предложения об организации пропагандистской кампании против большевиков, но осуществление этих предложений вашингтонское правительство затянуло до тех пор, пока они практически стали бесполезными. Уорт утверждает, что госдепартамент, будучи неправильно информирован Френсисом и Руттом, переоценивал устойчивость правительства Керенского и не принял более решительных мер для его спасения. По мнению автора, президент Вильсон со свойственной ему приверженностью к общим декларациям идеалистического толка своевременно не поддержал предложение главы миссии «Американского Красного Креста» Томпсона о широком финансировании эсеровской пропагандистской кампании, возглавлявшейся Брешко-Брешковской. Когда Вильсон, якобы не желавший считать с реальной опасностью большевизма и возможность выхода России из войны, дал наконец согласие на отправку пропагандистской миссии во главе с Сиссоном, то было уже поздно. «Ко времени прибытия Сиссона,— пишет с иронией Уорт,— большевики уже три недели находились у власти»¹⁴.

Эта версия подробнейшим образом развивается в статье К. Файка «Влияние Комитета Крила¹⁵ и Американского Красного Креста на русско-американские отношения в 1917—1919 гг.»¹⁶. Здесь опять фигурирует то же «случайное» стечение обстоятельств, будто помешавшее американскому правительству заняться как следует русскими делами и «предотвратить» победу Октябрьской революции. Все внимание Вашингтона, оказывается, было поглощено мировой войной. В результате же «вводящих в заблуждение» донесений Рута, Френсиса и других официальных лиц в правительстве понятия не имели о том, что происходит в России. «Вашингтон,— пишет Файк,— был не подготовлен и недоверчив» к сообщениям о надвигающейся революции в России. При этом вслед за Кеннаном, Уортом и др. Файк предумышленно замалчивает активнейшую, не прекращавшуюся ни на один миг борьбу США, Англии и Франции против назревавшей социалистической революции.

Файк идет даже дальше Кеннана, утверждая, что ввиду «бездеятельности» и «некомпетентности» американских официальных лиц в России — посла Френсиса, военного атташе Джадсона и др. — их функции были незаконно узурпированы «неофициальными» лицами — Сиссоном, Буллардом, Томпсоном и др., которые будто бы действовали по собственному усмотрению, без ведома и даже против желания Вашингтона.

Эта версия не соответствует действительности. Упомянутые Файком так называемые «неофициальные» лица были в действительности официальными представителями США: Эдгар Сиссон являлся заместителем начальника американского Комитета общественной информации и был направлен в Россию по распоряжению Вильсона; Артур Буллард возглавлял русский филиал Комитета общественной информации.

¹³ R. D. Warth. The Allies and the Russian Revolution.

¹⁴ Там же, стр. 30—31, 98, 100, 106, 139, 147.

¹⁵ Комитет общественной информации, созданный в США весной 1917 года.

¹⁶ «Journal of Modern History», June 1959, № 2, pp. 93—109.

Итак, аргументация, к которой прибег Кеннан, теперь доводится до своего логического конца: оказывается, пока Вашингтон и «некомпетентные» официальные лица «бездействовали», все дела взяли в свои руки «неофициальные», никем не уполномоченные лица; на них, следовательно, якобы и падает вся ответственность за антисоветские действия американского правительства. Если в отдельных случаях, пытаются нас уверить американские историки, президент США принимал недружелюбные по отношению к Советской России решения, то это происходило исключительно по вине этих самых «неофициальных» лиц, советам которых он следовал за неимением компетентных официальных донесений от Френсиса.

Надо ли говорить о том, что авторы «критической» версии напрасно изливают желчь на Вильсона, Лансинга, Френсиса, Рута и на так называемых «неофициальных» лиц типа Сиссона и Томпсона, обвиняя их в тех или иных ошибках. Совершенно очевидно, что они действовали не по собственному усмотрению, а выполняли волю американских монополий. Они делали все, что было в их силах, чтобы помешать рождению нового, социалистического строя, ознаменовавшего конец господства капиталистической системы в России.

Чтобы убедиться в этом еще раз, достаточно перечитать мемуары Френсиса, документы из личного архива Лансинга, воспоминания Эдгара Сиссона (чьим именем была названа самая возмутительная фальшивка, которую когда-либо знала история,— так называемые «документы Сиссона»), материалы овермэновской комиссии и другие «документы» и свидетельства того времени.

Взять, к примеру, мемуары американского посла в России Френсиса¹⁷. С первой до последней страницы они источают злобную, непримиримую ненависть к Октябрьской революции и советскому правительству. Френсиса можно упрекнуть в чем угодно, но не в бездеятельности и в недостатке ненависти к русской революции. Хотя он и в самом деле был «старым джентльменом», но его возраст ни в коей мере не отразился на той энергии, которую он проявил в борьбе против социалистической революции, действуя по прямым указаниям госдепартамента. В этом никаких сомнений быть не может. Помимо подкрепленного документами¹⁸ признания самого Френсиса о том, что проводившийся им курс «встречал одобрение департамента, который не считал нужным его менять»¹⁹, сам факт, что Френсиса оставили на ответственнейшем посту американского посла в России на протяжении двух революций и периода военной интервенции, говорит о том, что все его действия вполне удовлетворяли правительство США. Более того, правительство США, ни на минуту не терявшее надежду на свержение Советской власти и восстановление капитализма в России, даже после возвращения Френсиса в США сохранило за ним должность посла в России²⁰. Таким образом, Френсис с достаточным усердием выполнял наказ своего правительства. Не менее «добросовестно» действовали другие официальные и «неофициальные» лица, не говоря уже о самом президенте Вильсоне, внешняя политика которого носила ярко выраженный антисоветский характер.

¹⁷ D. R. Francis. *Russia from the American Embassy* (April, 1916 — November, 1918). New York. 1921.

¹⁸ В письме к сыну от 1 октября 1918 г. Френсис сообщал о полученной им от госдепартамента телеграмме (26 сентября 1918 г.) следующего содержания: «Проводимый Вами курс встречает самое серьезное одобрение. Он пользуется полным сочувствием президента, который охарактеризовал этот курс, как вполне американский» (D. R. Francis. Указ. соч., стр. 288).

¹⁹ Там же, стр. 212.

²⁰ Хотя с 26 апреля 1919 г. я перестал получать жалование в качестве посла, вспоминает Френсис в своих мемуарах, «меня все время держали в готовности для возвращения в Россию в качестве американского посла в случае установления там стабильного правительства» (что на языке Френсиса означало, разумеется, капиталистического правительства. Там же, стр. V).

«Критический» подход проявляется определенными американскими авторами и в отношении ряда других вопросов, связанных с историей Великой Октябрьской социалистической революции. Показательна в этом отношении книга Джея Смита «Финляндия и русская революция (1917—1922)», изданная в 1958 году. Продолжая поиски «ошибок» в духе Кеннана, Уорта и др., автор утверждает, что основная погрешность союзников состояла в том, что они не сосредоточили усилия на «спасении» от большевиков национальных окраин России. «Главная ошибка состояла в том, что не было сделано попытки спасти то, что можно было спасти», — пишет он. Начисто игнорируя борьбу рабочего класса и трудового крестьянства во главе с Коммунистической партией за утверждение Советской власти на местах против белогвардейцев и буржуазной националистической контрреволюции (Центральной рады на Украине, атамана Каледина на Дону и др.), которых, кстати сказать, союзники активно поддерживали, Смит пытается доказать, что Октябрьская революция победила якобы лишь потому, что союзники «не догадались» отрезать центральную часть России от периферии! ²¹.

Подобная «критика» преследует цель скрыть активную роль США в поддержке внутренней контрреволюции. Таким путем, в частности, замазывается вопрос о помощи, оказанной правительством США Каледину. Кеннан, например, досадует на Френсиса, а также американских консулов Пуля и Смита за то, что они своими «преувеличенными» сообщениями будто бы вводили в заблуждение государственный департамент относительно сил Каледина. Данным обстоятельством объясняется то, утверждает Кеннан, почему Вашингтон согласился оказать некоторую помощь Каледину, действуя через посредство Англии и Франции, хотя это-де и противоречило общей позиции США. Подобная «незначительная» помощь Каледину была вызвана будто бы недоразумением, неправильными сведениями, поступавшими от американских представителей в России ²². Что касается официальной позиции США, заявляет Смит, то они якобы придерживались политики «внимательного выжидания»; активно поддерживали Каледина лишь Англия и Франция. «Официальное отношение США к советскому режиму, в целом менее враждебное, чем отношение к нему Англии и Франции, — пишет, вопреки истине Уорт, — характеризовалось политикой непризнания, но вместе с тем и (девизом) «руки прочь» ²³. В соответствии с этой официальной политикой, отмечает далее Уорт, американские представители, мол, не вмешивались во внутренние дела России, а «позволяли» (!) русскому народу самому «спасти себя». Помощь, оказанная Каледину, была, оказывается, «случайным исключением» из этой общей политики, вызванная опрометчивыми поступками отдельных лиц.

Между тем достоверно известно, что правительство США оказало поддержку Каледину, причем поддержку весьма активную, не в результате «ложной информации», а в соответствии с общим антисоветским направлением своей политики, обусловленной классовой ненавистью к молодому пролетарскому государству.

В меморандуме от 10 декабря 1917 г. государственный секретарь Лансинг отмечал, что «если большевики останутся у власти, нам абсолютно не на что надеяться», и в связи с этим наметил программу поддержки Каледина, которого считал «единственным видимым ядром организованного движения, достаточно сильным для того, чтобы заменить большевиков...» ²⁴. В соответствии с этой программой Каледину был

²¹ C. Jay Smith. Finland and the Russian Revolution. 1917—1922. Athens. 1958, p. 215.

²² G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 190.

²³ R. Warth. Указ. соч., стр. 185.

²⁴ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers». Vol. II, pp. 343—344.

втайне предоставлен крупный американский заем. Непосредственную поддержку оказывали Каледину консулы Пуль и Смит, действуя отнюдь не из собственных побуждений, а по прямым директивам из Вашингтона²⁵.

Таким образом, под видом поисков «ошибок» американской дипломатии фактически совершается фальсификация истории. Кеннан и другие историки задним числом предъявляют претензии правительству США для того, чтобы обелить политику последнего. На деле проводится знаковая по реакционной буржуазной литературе прошлых лет мысль о том, что у правящих кругов Соединенных Штатов, якобы исполненных доброжелательства к русскому народу, не было определенной политики в русском вопросе, что президент Вильсон будто бы колебался и поэтому бездействовал. «Пассивность» правительства США, не принявшего де своевременных мер для поддержки Временного правительства, и привела к падению последнего. Следовательно, в субъективных «ошибках» американской дипломатии, а не в объективной закономерности исторического процесса буржуазные авторы усматривают причины падения Временного правительства и победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Невольно возникают вопросы: зачем понадобилось американским историкам такое новое «критическое» изложение событий? Да и является ли оно действительно новым? Чем отличается оно от трактовки советско-американских отношений в буржуазной литературе прежних лет?

Вспомним, как освещались советско-американские отношения в работах западных реакционных историков 20—30-х годов. В то время, когда правящие круги США проводили враждебную Советскому Союзу политику, реакционная буржуазная историография стремилась скрыть подлинные факты о первом в мире государстве рабочих и крестьян. Значение Великой Октябрьской социалистической революции замалчивалось или искажалось, политика Коммунистической партии и советского правительства извращалась, американское вмешательство в русские дела представлялось как «помощь» Советской России, а США изображались как бескорыстный друг русского народа.

Книга социалиста-ренегата Джона Спарго «Россия как американская проблема», изданная в Нью-Йорке в 1920 г., была посвящена русско-американским отношениям. Автор изображал их в следующем виде: «С самого начала правительство США проявляло искреннюю и глубокую дружбу к революционной России... Не может быть никакого сомнения, что Америка во всех случаях руководствовалась искренним желанием помочь России... Именно в порядке дружественных отношений была направлена в Россию миссия Стивенса для оказания помощи в налаживании железнодорожной системы. В этом же духе были задуманы другие планы оказания помощи России путем предоставления ей капитала и отправки специалистов для улучшения ее экономической жизни»²⁶. О «невмешательстве» США в дела России, о «помощи» русскому народу писал и другой американский автор, М. Дейвис, в изданной им в 1920 г. книге «Открытые ворота в Россию». «Американское отношение,— отмечал он,— создавало впечатление об искреннем нежелании вмешиваться в русские политические дела»²⁷.

²⁵ Казалось бы, что это само собой разумеется. Между тем американские историки, и в частности Кеннан, настойчиво пытаются внушить читателю мысль о том, будто бы действия и рекомендации американских официальных лиц в России сплошь и рядом выражали всего лишь «личную точку зрения» отдельных «нижних чинов», за которую правительство США не несет никакой ответственности (см. G. Kennan. Soviet Historiography and America's Role in the Intervention. «American Historical Review». January 1960, p. 307).

²⁶ J. Spargo. Russia as an American Problem. New York. 1920, p. 242.

²⁷ M. Davis. Open Gates to Russia. New York. 1920.

Лейтмотив о бескорыстной «помощи» США русскому народу в период до октября 1917 г. был преобладающим и в литературе последующих лет (не считая, разумеется, откровенно клеветнических сочинений). В таком духе писали в 1924 г. А. Деннис в книге «Внешняя политика Советской России»²⁸ и в 1944 г. Фостер Р. Даллес (известный исследователь дальневосточной политики США) в книге «Дорога в Тегеран»²⁹. Политический смысл этой укorenившейся в течение многих лет в американской реакционной буржуазной историографии версии о «помощи» состоит в том, чтобы скрыть подлинные факты об активном вмешательстве США во внутренние дела России, о лихорадочном стремлении американских монополий любыми средствами поддержать буржуазно-помещичье Временное правительство и воспрепятствовать рождению подлинно народного государства рабочих и крестьян. До последних лет эта версия без существенных изменений повторялась во многих книгах, в той или иной мере затрагивающих историю советско-американских отношений. Зачем же в 50-х годах понадобилась новая «критическая» версия, согласно которой правительство США, якобы будучи введено в заблуждение своими недостаточно компетентными представителями, плохо помогало русскому народу, бездействовало, неоперативно откликнулось на происходившие в России революционные события и тем самым не смогло спасти от гибели «истинно демократическое» правительство Керенского?

Это свидетельствует об обострении идеологической борьбы, о попытках новыми средствами дискредитировать величайшее историческое событие нашего времени — Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Авторы «новых исследований» советско-американских отношений сосредотачивают внимание на отдельных «ошибках» американской политики, которые якобы и подготовили почву для победы социалистической революции. Не будь этих ошибок и промахов, не было бы и Октябрьской революции — таков новый прием, к которому прибегают фальсификаторы истории.

Нельзя отрицать, что «новый» метод освещения советско-американских отношений политически выгоден американскому империализму. Таким путем делается попытка одним выстрелом убить двух зайцев: отрицать историческую закономерность социалистической революции, объявив ее «случайностью», и фальсифицировать историю, скрывая за «ошибками» отдельных лиц активную контрреволюционную роль США.

Реакционные буржуазные идеологи, извращая историю, пытаются найти оправдание нынешнему политическому курсу правящих кругов США, направленному на усиление политики «холодной войны». Главный их удар направлен против ленинской политики мирного сосуществования, неуклонно проводимой советским правительством с первого дня его возникновения.

Восхваляя «миролюбие» США, реакционные буржуазные исследователи пытаются опорочить подлинно миролюбивую политику Советского Союза, представить его курс на мирное сосуществование как некий временный маневр. Они отрицают тот непреложный факт, что стремление к войне органически чуждо социалистическому государству. Так, Джордж Кеннан называет «извращением истории» бесспорную истину, неустанно повторяемую советскими руководителями о том, что приверженность к миру «неизбежно вытекает из характера социальной и политической системы, существующей в Советском Союзе». Он заявляет, что «советская позиция в таких вопросах (то есть в коренных вопросах внешней политики. — А. К.) стала иной», что она якобы «нуждалась в изменении для того, что-

²⁸ A. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia. New York, 1924.

²⁹ F. R. Dulles. The Road to Teheran. Princeton, 1944.

бы отвечать требованиям мирного сосуществования в той форме, в какой определяет их г-н Хрущев»³⁰.

Именно подобные измышления буржуазных идеологов имел в виду Н. С. Хрущев, когда он заявлял: «На Западе кое-кто говорит, что Советский Союз будто бы изменил свою политику и поэтому с нами стало легче разговаривать. Это, конечно, неправильно...

Говорят еще, что Советский Союз выдвинул лозунг сосуществования только сейчас. Это тоже, разумеется, неправильно. Этот лозунг выдвинул Ленин, и мы гордимся тем, что именно великий Ленин — вождь коммунизма выдвинул этот лозунг!.. Мы горды тем, что всегда действовали и действуем так, как учил нас Ленин, который первым провозгласил этот лозунг!»³¹.

Представители реакционной американской историографии, стремясь дискредитировать советскую политику мирного сосуществования, пытаются «по-новому» трактовать отношение США к внешней политике советского правительства в 1917 году. Как известно, много лет в ходу была основанная на пресловутой фальшивке, состряпанной американским правительством («документах Сиссона»), клевета о том, что большевики — германские агенты, и потому они пошли на заключение сепаратного мира с Германией³². Для новой трактовки характерно вынужденное признание Кеннаном и некоторыми другими американскими историками того факта, что к миру страстно стремился русский народ. В то же время они утверждают, что политика США, Англии, Франции, добивавшихся продолжения участия России в войне, являлась чьей-то «вздорной выдумкой»³³, способствовавшей победе социалистической революции. «Возникает вопрос, — пишет Кеннан, — не ускорили и не облегчили ли правительство США... и союзники падение Временного правительства тем, что настаивали на продолжении Россией войны и ставили свою поддержку ему в зависимость от этого»³⁴.

По сути дела, то же утверждает Уорт: «В существующих условиях заключение мира было логичным и необходимым. Перед союзниками стоял выбор: с хорошей миной примириться с ним или бороться против него и тем самым оттолкнуть от себя русский народ»³⁵.

Эти запоздалые сетования преследуют вполне определенную политическую цель. Во-первых, делается попытка скрыть истину о том, что в конкретных исторических условиях 1917 г. буржуазное Временное правительство не могло по своей классовой сущности проводить иную политику, кроме политики войны. Что касается правительства США, то оно было заинтересовано в затягивании войны (в которую Соединенные Шта-

³⁰ «Foreign Affairs», January 1960.

³¹ «Правда», 18 ноября 1959 года.

³² Несмотря на свою «критическую» позу, Кеннан и иже с ним фактически не отказываются от этой клеветнической версии. Разбору «документов Сиссона» в своей книге «Russia Leaves the War» он посвящает целую главу, а также статью в «Journal of Modern History» (т. XXVIII, № 2, июнь 1956). Извлекая эту стряпанную из мусорной ямы историю, Кеннан вынужден подтвердить, что «документы Сиссона» — действительно фальшивка. Однако Кеннан отвергает «документы Сиссона» не за то, что они фальшивы, а за то, что это слишком грубая фальшивка. Подтекст его рассуждений таков: «То, что большевики находились на содержании у немцев, не подлежит сомнению, но надо это доказать более умело». В этом ему услужливо помогают английские историки из Оксфордского университета, которые выпустили в свет под редакцией некоего Земана и при активном содействии белоэмигранта Каткова сборник документов «Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry». Edited by Z. A. B. Z e m a n. London. Oxford University Press. 1958. Цель сборника, в котором главное место отведено разоблаченному еще В. И. Лениным меньшевику Парvusу, доказать связи большевиков с кайзеровским правительством.

³³ G. K e n n a n. Russia Leaves the War, p. 24.

³⁴ Там же, стр. 23.

³⁵ R. W a r t h. Указ. соч., стр. 188.

ты вступили только 6 апреля 1917 г.) с тем, чтобы истощить другие страны и извлечь из войны максимальные выгоды. Во-вторых, путем мнимой критики действий правительства США делается попытка скрыть реальные факты о предпринятых им лихорадочных усилиях удержать Россию в состоянии войны, и, что особенно важно, приуменьшить провал этих усилий, приведший к крушению далеко идущих планов американского империализма в первой мировой войне. В-третьих, и это самое главное, «критика» правительства Вильсона пускается в ход американскими историками для дискредитации мирной политики советского правительства. Это делается по следующему рецепту: только руководители правительства США владели якобы секретом подлинно демократического мира в интересах русского народа, но они по своей политической близорукости и негибкости «не догадались» перейти от слов к делу.

Особую активность в этом направлении проявляет Кеннан, который подвергает обстрелу ленинский Декрет о мире. С нескрываемым раздражением Кеннан называет Декрет о мире «резко враждебным актом» по отношению к союзникам³⁶. Он утверждает, что будто бы только из-за этого декрета, который большевики положили в основу своей внешней политики, возникла враждебность капиталистических стран к Советскому государству. Если бы не было такого документа, заявляет Кеннан, то, «возможно, западные страны с большей готовностью постарались бы вникнуть в глубокие социальные и политические причины успеха большевиков»³⁷.

Итак, по Кеннану, ответственность за враждебные отношения, сложившиеся в течение ряда лет после Октябрьской революции между Советской Россией и капиталистическими государствами, несут, оказывается, не последние, а большевики, которые своим Декретом о мире, обеспечившим выход России из войны, якобы оттолкнули от себя западные страны. Эта клевета на Декрет о мире, открывший новую эпоху в международных отношениях, заложивший основу советской политики мирного сосуществования, и является, следовательно, той «мудростью», которую протаскивают Кеннан и иже с ним под видом «критики» действий американского правительства.

Картина, которую рисуют американские историки, не имеет ничего общего с историческими фактами. Провозглашая Декрет о мире, советское правительство предлагало всем народам и правительствам воюющих стран немедленно заключить демократический мир без аннексий и контрибуций. Это было не фразерство о демократическом мире, к которому прибегали президент Вильсон, Ллойд-Джордж и иные деятели капиталистических держав и которое В. И. Ленин заклеил как «буржуазное лганье»³⁸. Это был мир на деле, конкретное предложение советского правительства о прекращении империалистической бойни.

Какие же «оскорбительные» для империалистических держав моменты усматривают историки типа Кеннана в Декрете о мире? Во-первых, декрет содержал обращение к народам воюющих стран; во-вторых, он провозглашал необходимость ликвидации колониализма, и, в-третьих, этот документ якобы нарушил принятое Россией в 1914 г. обязательство не заключать сепаратного мира.

Возмущение реакционных буржуазных историков по поводу того, что Декрет о мире содержал обращение не только к правительствам воюющих стран, но и к народам, с головой выдает их классовые устремления. Известно, что капиталисты заинтересованы в политической слепоте народа. Но Советская власть придерживается диаметрально противополо-

³⁶ G. Kennan. *Russia Leaves the War*, p. 75.

³⁷ Там же, стр. 76.

³⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 152.

ложной точки зрения. «По нашему представлению,—писал В. И. Ленин,—государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»³⁹.

Обращаясь непосредственно к народам, советское правительство своим Декретом о мире впервые провозгласило новую, подлинно демократическую внешнюю политику, осуществляемую при прямом участии народных масс.

Империалистическую сущность американских «критиков» выдает также их недовольство тем, что Декрет о мире провозглашал ликвидацию колониализма. Действительно, в декрете давалось такое определение аннексии, на основании которого всем становилось ясно, что колониальная система империализма возникла и существует благодаря аннексионистской политике, насильственному захвату чужих земель⁴⁰. Удивительно ли, что разоблачение сущности колониализма в момент, когда велась империалистическая война за новый передел мира, нанесло сильнейший удар империалистической дипломатии! Вполне естественно, что именно поэтому Декрет о мире встретил крайне враждебное отношение со стороны представителей буржуазной дипломатии.

Остановимся подробнее на последнем аргументе — о сепаратном мире, при помощи которого протаскивается грязное обвинение большевиков в связях с Германией. Подобная клевета не имеет ничего общего с действительностью. Во-первых, мысль, что Декрет о мире содержал предложение о заключении сепаратного мира, является искажением истины. В декрете ясно и открыто предлагалось «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом и демократическом мире»⁴¹. Следовательно, речь шла не о сепаратном, а о всеобщем демократическом мире. Это недвусмысленно было сформулировано в «Обращении Совета Народных Комиссаров РСФСР к народам воюющих стран от 15 ноября 1917 г.», в котором говорилось: «1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее»⁴².

Таким образом, только отказ правительств США, Англии, Франции откликнуться на призыв советского правительства о заключении всеобщего демократического мира вынудил его согласиться на сепаратные переговоры с Германией и подписание в Бресте чрезвычайного тяжелого, унижительного мира. Между тем об отказе империалистических стран начать мирные переговоры американские историки умалчивают. Да это и понятно. Не о мире думали империалисты США и стран Антанты, а о продлении участия России в войне с тем, чтобы при помощи немецких войск задушить в зародыше ненавистную им Советскую власть. Дальнейшие события (Компьенское перемирие с Германией от 11 ноября 1918 г.) показали, что ради достижения этой цели США, Англия, Франция решились пойти на сговор со своим бывшим врагом и заключить империалистический мир за счет России. Статья 12 условий перемирия оформляла союз США, Англии, Франции с Германией для борьбы про-

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 224.

⁴⁰ См. там же, стр. 218.

⁴¹ «Документы внешней политики СССР». Т. I. М. 1957, стр. 11. Кеннан заявляет, что лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» был якобы позаимствован большевиками у Вильсона, который его сформулировал в своих «Четырнадцати пунктах» в январе 1918 г. (см. G. Kennan. *Russia Leaves the War*, p. 142), хотя известно, что В. И. Ленин еще в марте 1916 г. подчеркивал, что главный пункт социал-демократической программы мира — это отрицание аннексий, признание самоопределения народов (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 156). Заимствованием занимался в данном случае Вильсон, который пытался воспользоваться этим лозунгом в демагогических целях, для обеспечения не демократического, а империалистического мира.

⁴² «Документы внешней политики СССР». Т. I, стр. 30.

тив Советской России. Эта статья предусматривала вывод германских войск с территории России только тогда, когда «союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий»⁴³. На основе Компьенского перемирия, как отмечал государственный секретарь США Лансинг, Соединенные Штаты, Англия, Франция стали союзниками Германии для борьбы против Советской России. «Союзные и присоединившиеся державы являются на основе перемирия союзниками Германии в прибалтийских провинциях»⁴⁴, — сказал он.

В. И. Ленин разоблачал лицемерные обвинения большевиков в том, что они якобы вступили в «соглашение» с немецким империализмом. «Буржуазия хочет войны, ибо хочет свержения Советской власти и соглашения с немецкой буржуазией»⁴⁵, — писал В. И. Ленин в феврале 1918 года.

Лицемерно негодуя по поводу Декрета о мире, Кеннан, Уорт невольно проговариваются о действительно предательском поведении дипломатических представителей США, Англии, Франции, которые бесцеремонно вмешивались во внутренние дела России, пытаясь любыми средствами сорвать мирные усилия советского правительства. Посол США Френсис, при посредничестве Троцкого, расточал демагогические обещания о помощи Советской России, если она откажется от подписания мира. Френсис через посредство полковника Робинса «уверял его (Троцкого) в американской поддержке в случае срыва переговоров»⁴⁶, — пишет Кеннан.

Предательские действия Троцкого, получившие поддержку официальных представителей США, привели к срыву брест-литовских мирных переговоров в феврале 1918 года. Впоследствии, в частном письме Робинсу, военный атташе США Джадсон, ссылаясь на переговоры американских представителей с Троцким, признавал: «Вам удалось оттянуть подписание Брест-Литовского договора»⁴⁷.

3 марта 1918 г. советское правительство во главе с В. И. Лениным заключило Брестский мир, условия которого были намного тяжелее и унижительнее первоначальных условий, выдвинутых в январе 1918 года. Президент США Вильсон хотел сорвать ратификацию Брестского договора, направив послание IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов, состоявшемуся 14—16 марта 1918 года. Цель этого послания историк Ч. Сеймур поясняет следующим образом: «Послание к съезду, выдержанное в дружественном тоне и обещающее поддержку, могло способствовать отказу съезда от ратификации мирного договора»⁴⁸.

Провокации империалистической дипломатии были сорваны в результате мудрой политики Коммунистической партии и советского правительства, которые, несмотря на тяжелый характер германских условий, вывели Россию из империалистической войны. Реакционные американские историки в связи с этим вынуждены сокрушенно констатировать «явную неудачу» попыток иностранных военных миссий сорвать мирные переговоры и заключение мира⁴⁹.

Весьма характерно, что по мере приближения в своих «исследованиях» к периоду иностранной военной интервенции критический пыл Кеннана, Уорта, Браудера и им подобных искателей «ошибок» остывает. Здесь уже никаких существенных ошибок со стороны правительства США они не обнаруживают. По их мнению, все было правильно. Вдохновляемос

⁴³ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях». Ч. II. М. 1926, стр. 95.

⁴⁴ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference». Vol. IV, p. 69.

⁴⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 38.

⁴⁶ G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 234.

⁴⁷ G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 401.

⁴⁸ «Архив полковника Хауза». Т. III, стр. 280.

⁴⁹ См. R. Warth. Указ. соч., стр. 176.

высокими чувствами «дружбы» к русскому народу, правительство США будто бы оказывало ему всемерную «поддержку», упорно «возражало» против интервенции и, наконец, якобы нехотя решило принять в ней участие и то лишь под давлением других стран, руководствуясь потребностями войны с Германией и желанием спасти русский народ от японского порабощения.

Такой постановке вопроса, являющейся не чем иным, как перепевом в новых условиях старой, укоренившейся в реакционной американской историографии версии, не приходится удивляться. Разве могут идеологи буржуазии, усердно выполняющие политический заказ монополий, признать, что ответственность за ненормальные отношения, долгие годы существовавшие между Советским Союзом и США, несет правительство Соединенных Штатов, которое не только отказалось признать созданное волей народов Советское государство, но предприняло против него ничем не оправданную вооруженную интервенцию! «Ваша вооруженная интервенция в Россию — самое неприятное явление, которое когда-либо возникало в отношениях между нашими странами,— говорил Н. С. Хрущев, выступая в Голливуде во время своей поездки в США,— ведь мы никогда до этого не воевали с Америкой, никогда наши солдаты не были на американской земле, а ваши солдаты на земле советской были»⁵⁰.

Но реакционные буржуазные историки не хотят признать, что в 1918 г. американские солдаты вторглись на нашу землю и воевали против Советской России. Подобное признание вырвало бы почву из-под ног тех, кто упорно твердит об исконном «миролюбии» США. Активную роль США в интервенции наглядно и убедительно показали советские исследователи в книгах, изданных в 1950—1957 годах. Опираясь на высказывания В. И. Ленина, на многочисленные факты, почерпнутые как в советских архивах, так и из официальных американских документальных изданий, они раскрыли правду о роли США как одного из ведущих участников военной антисоветской интервенции⁵¹. Много новых, интересных свидетельств о роли США в антисоветской интервенции и об их борьбе против революции в странах Европы и Азии приводят в своих книгах, изданных за последние годы, историки Чехословакии, Польши, Венгрии, ГДР, Китая⁵². Убедительные доказательства агрессивной политики США в тот период содержатся и в исследованиях прогрессивных американских историков.

Факты, как известно,— упрямая вещь, и чем они убедительнее, тем большее раздражение вызывают в американских правящих кругах. В этой связи характерен наспех изданный в 1956 г. сборник статей реакционных американских историков под редакцией профессора Принстонского университета Блэка, где содержатся злобные пасквили на советскую историческую науку⁵³. Особым нападкам авторы сборника подвергают исследования советских историков по периоду интервенции. Разоблачение роли США как организатора и участника военной интервенции составители сборника пытаются развенчать весьма примитивным способом, обвинив советских ученых в предвзятой враждебности к США.

⁵⁰ «Правда», 22 сентября 1959 года.

⁵¹ А. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М. 1952; А. Гулыга, А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США. М. 1952; А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М. 1954; Г. К. Селезнев. Тень доллара над Россией. М. 1957; Р. Г. Симоненко. Империалистична політика США щодо України в 1917—1918 гг. Київ. 1957; С. С. Григорьевич. Антисоветская интервенция США на Дальнем Востоке. М. 1957.

⁵² А. Норден. Между Берлином и Москвой. М. 1956; М. Мушкат. Интервенция — преступное орудие политики США. М. 1954, и др.

⁵³ С. E. Black, ed. Rewriting Russian History. Soviet Interpretation of Russia's Past. New York. 1956.

Бездоказательность подобных «опровержений» оказалась настолько очевидной⁵⁴, что перед американскими историками была спешно поставлена более серьезная задача: во что бы то ни стало и как можно скорее попытаться опровергнуть факты, приводимые советскими историками о роли США в антисоветской интервенции; любыми способами убедить читателя в том, что никакой интервенции со стороны США и в помине не было, а была лишь «дружеская помощь» русскому народу. За выполнение этой задачи усердно взялись реакционные американские историки. Но бороться с истинной нелегко, и поэтому в появляющихся один за другим с поразительной поспешностью пухлых томах «новых» исследований вновь выкладываются все те же набившие оскомину аргументы, с помощью которых делается попытка (в который раз!) черное выдать за белое.

США будто бы были против интервенции и согласились на участие в ней только под давлением союзников, пытается уверить читателя историк Р. Браудер в своей книге «Истоки советско-американской дипломатии». «Будучи поставленными перед ультиматумом,— отмечает он,— США неохотно согласились на ограниченное участие в Сибирской экспедиции»⁵⁵.

Точно так же ставится вопрос в книге Б. Унтербергер «Американская экспедиция в Сибири, 1918—1920»⁵⁶. Само название глав в этой книге свидетельствует о намерении автора изобразить дело так, будто правительство США упорно «возражало» против интервенции и в конечном счете лишь весьма неохотно, против своей воли было в нее втянуто. Глава вторая называется: «Вильсон говорит «нет» (на предложение держав Антанты об организации интервенции)». «Давление усиливается» — название третьей главы. В конечном счете лишь в августе 1918 г. «Вильсон говорит «да»» (название четвертой главы).

Это «вынужденное» решение⁵⁷ правительство США приняло будто бы отнюдь не из-за каких-либо враждебных чувств к Советской России, подчеркивает Унтербергер. «Главным мотивом американской политики в Сибири и Северной Маньчжурии,— отмечает автор,— было сохранение «открытых дверей» в противовес империалистическим притязаниям Японии». Поэтому участие США в интервенции якобы дало «положительные результаты». «Американское участие в союзной интервенции,— по утверждению автора,— оказало смягчающее влияние, которое удерживало союзников от более экстремистских действий»⁵⁸. Таким образом, Унтербергер поддерживает официальную версию американских правящих кругов о том, что, приняв участие в интервенции, США не воевали против народов России, а оказывали им «помощь».

«Оказание помощи» было единственным мотивом, побудившим правительство США послать свои войска в Россию, утверждает в своей книге «Сибирское фиаско» профессор Колумбийского университета Мэннинг⁵⁹, «специализирующийся» на искажении истории народов России. Уорт, автор вышеупомянутой книги «Союзники и русская революция», выражает эту же мысль следующим образом: «Было бы явным упрощением политики союзников, которая не преследовала никакой определенной и разумной цели, а базировалась на повседневной импровизации, считать, что интервенция представляла собой специально подготовленный заговор капиталистического мира для искоренения в зародыше эко-

⁵⁴ Американский историк Джон М. Томпсон, автор статьи, посвященной советской литературе по периоду интервенции, признает, что он даже не читал те книги, которые с такой легкостью «опровергает», а лишь ознакомился с рецензиями на них.

⁵⁵ R. P. Browder. The Origins of Soviet-American Diplomacy, p. 8.

⁵⁶ B. M. Unterberger. America's Siberian Expedition. Durham, 1956.

⁵⁷ «Действия США были вынужденными», — отмечает Унтербергер. B. M. Unterberger. Указ. соч., стр. 88.

⁵⁸ Там же, стр. 140, 234.

⁵⁹ C. Manning. The Siberian Fiasco. New York, 1952.

номической ереси. США, которые были столь же могущественной капиталистической страной, как и Англия и Франция, все время отставали от своих более агрессивных антибольшевистских партнеров, выступая часто как действующий против своей воли соучастник»⁶⁰. Итак, внушает Уорт, утверждать, что интервенция представляла собой заговор капиталистического мира против Советской власти,— это «упрощение» политики союзников, которая, оказывается, отнюдь не преследовала какой-либо определенной цели, а была всего лишь «импровизацией». Случайная «импровизация» — таково, следовательно, «новое» наименование, найденное Уортом для военной интервенции США, Англии, Франции, Японии против Советского государства. При этом, говорит Уорт, США в отличие от Англии и Франции не были агрессивно настроены против большевиков и действовали «не по своей воле».

В подобном же духе освещает события и Кеннан. Совсем забыв о своем первоначальном намерении (выраженном в предисловии) дать «критический» разбор американской политики в отношении России, Кеннан полностью присоединяется к официальной правительственной версии. Противопоставляя позицию США в этом вопросе позиции других держав, он пишет: «Со своей стороны, правительство США отчетливо и недвусмысленно отвергло все предложения, предусматривающие какую-либо форму иностранной интервенции в Сибири. Эта позиция была обусловлена опасением вызвать антагонизм русского народа»⁶¹. Лишь впоследствии, по настоянию Англии, Франции и Японии, правительство США якобы начало отступать от своей «упорной оппозиции против действий в Сибири»⁶² и, руководствуясь желанием оказать «помощь» русскому народу в войне против Германии, согласилось на отправку японских войск в Сибирь.

Еще более упорно Кеннан проводит эту мысль в своей книге «Решение об интервенции», изданной в 1958 году. По мнению автора, выходит, что интервенция была начата в интересах войны против Германии и якобы не преследовала никаких антисоветских целей. Оказывается, ее осуществляли Франция и Италия, которым потом удалось втянуть в это дело и Англию, первоначально относившуюся будто бы к интервенции скептически. Что касается США, то Вашингтон-де был против участия американских войск в интервенции. Лишь в июле 1918 г. США, якобы поддавшись давлению Франции, Италии, Англии, высадили свои войска во Владивостоке и в Мурманске для борьбы против Германии и оказания «помощи» русскому народу. Утверждение о том, что интервенция США «отражала империалистические мотивы и нанесла серьезный ущерб русскому народу, представляет собой плод воображения советских пропагандистов», — заявляет Кеннан в одной из своих последних статей⁶³.

Итак, вооруженная интервенция США в Советской России, являющаяся актом открытой агрессии в целях свержения Советской власти, стоившим жизни десяткам тысяч советских людей и нанесшим огромный ущерб нашей стране, объявляется «плодом воображения» советских пропагандистов! Подобный демагогический прием поистине достоин пропагандистов Пентагона, ныне объявляющих агрессивное вторжение американских военных самолетов на советскую территорию «оборонительным» мероприятием правительства США.

Порочность позиций реакционных американских историков, отрицающих роль США в разжигании гражданской войны, в организации англосоветской военной интервенции, подтверждается даже выводами их коллег, которые в разное время пытались дать более или менее объективную оценку историческим фактам. Так, еще в 1928 г. американский бур-

⁶⁰ R. Warth. Указ. соч., стр. 188.

⁶¹ G. Кеннан. *Russia Leaves the War*, p. 328.

⁶² Там же. стр. 471, 476.

⁶³ G. Кеннан. *American Troops in Russia*. «Atlantic», January 1959, p. 42.

жуазный историк Шуман в своей книге «Американская политика в отношении России с 1917 г.» на большом фактическом материале постарался объективно осветить события⁶⁴. Он прямо писал о том, что политика США и стран Антанты была продиктована враждебным отношением к Советской власти. Он осудил антисоветскую интервенцию как ничем не обоснованный враждебный акт по отношению к России и разоблачил руководящую роль США в организации интервенции. «Союзная интервенция в Сибири,— писал Шуман,— предпринята по определенному приглашению Соединенных Штатов. В Северной России американские войска воевали с Красной Армией. Затем правительство Соединенных Штатов не только позволило русскому посольству в Вашингтоне посылать продовольствие и военное снаряжение Колчаку, но направило ему военные запасы по собственной инициативе и использовало свои войска в Восточной Сибири для облегчения их доставки на фронт. Эти действия были интервенцией самого бесспорного характера»⁶⁵.

К такому же выводу приходит американский буржуазный историк В. Вильямс в своем богато документированном исследовании по истории русско-американских отношений⁶⁶. Отнюдь не питая особых симпатий к Советскому Союзу, Вильямс в результате изучения фактов и привлечения новых документов отвергает тезис реакционной историографии о «дружественном» отношении США к Советской России. Основываясь на данных, почерпнутых в значительной степени из неопубликованных американских архивов, Вильямс утверждает, что правительство США всячески пыталось в интересах монополий (в частности, Моргана) предотвратить социалистическую революцию и удержать Россию в составе воюющих держав. «В течение мая, июня, июля 1917 г.,— пишет он,— США действовали весьма энергично, стремясь помочь Временному правительству или заставить его продолжить войну и уничтожить оппозицию со стороны большевиков». После победы Октябрьской революции, продолжает автор, Вашингтон любыми средствами добивался свержения советского правительства, оказывая поддержку всем контрреволюционным элементам. Вильямс приводит секретный меморандум государственного секретаря Лансинга от 12 декабря 1917 г., в котором на десять дней раньше, чем в Англии и Франции, были сформулированы американские планы, предусматривавшие помощь Каледину и установление военной диктатуры в России. Из меморандума видно, что представители США поддерживали связь с Троцким с целью сорвать брест-литовские переговоры. Вильямс приводит слова американского посла Френсиса, собравшегося принять «любые необходимые меры, чтобы предотвратить (заклучение) сепаратного мира». Излагая дальше материал, автор подчеркивает, что именно правительство США было инициатором клеветнической кампании против Коммунистической партии, против В. И. Ленина. Ложное обвинение большевиков в связях с германской разведкой распространял заместитель председателя Комитета общественной информации США Эдгар Сиссон.

Вильямс без обиняков заявляет, что вооруженная интервенция США против Советской России была вызвана не интересами войны с Германией и не стремлением Соединенных Штатов предотвратить экспансию Японии, а преследовала цель уничтожения Советской власти. Решение американского правительства о начале вооруженной интервенции было принято в январе 1918 года. «...Ясно,— пишет Вильямс,— что к концу января 1918 г. принцип интервенции был положен президентом Вильсоном в основу американской политики в отношении России». «Никогда,— добавляет он,— мнения Вашингтона, Лондона или Парижа не

⁶⁴ F. L. Schuman. American Policy Toward Russia Since 1917. New York. 1928.

⁶⁵ Там же, стр. 305.

⁶⁶ W. Williams. American-Russian Relations 1781—1947. New York. 1952.

расходились в отношении главной цели — низвержения советского правительства». Правительство США, подчеркивает автор, поддерживало силы реакции не только в России, но и в других странах Европы. В частности, оно способствовало подавлению революций в Германии и Венгрии.

Вильямс заявляет, что ответственность за ненормальные отношения, сложившиеся между США и Советским государством в 1917—1920 гг., ложится целиком на правительство США, которое проводило активную антисоветскую политику. Что касается советского правительства, продолжает автор, то оно, начиная с 1917 г., настойчиво добивалось нормализации советско-американских отношений и установления торговых связей. Однако советские предложения неизменно отвергались США. «...Вашингтон не откликнулся на постоянные предложения Москвы о нормализации отношений вплоть до ноября 1933 г., — пишет Вильямс. — Непоколебимость Гувера явилась лишь окончательным выражением того антагонизма по отношению к Москве, в результате которого все попытки добиться признания в 1921 г. потерпели поражение»⁶⁷.

Так, попытка сколько-нибудь объективно разобраться в исторических фактах неизбежно приводит исследователя к заключению о том, что Советский Союз неизменно проводил мирную внешнюю политику в то время, как империалистические державы, в частности США, руководствовались в своей политике стремлением при помощи войны ликвидировать возникшую социалистическую систему в лице Советского государства.

Знаменательно признание Вильямса, который утверждает, что противоречия, существовавшие между США и Японией, хотя и имели существенное значение, не являлись для США определяющими в вопросе об организации интервенции. Главным соображением был «резкий антагонизм Вашингтона к советскому правительству». Вильямс следующим образом характеризует политику правительства США: «Вильсон, активно помогая адмиралу Колчаку, способствовал низвержению большевистского правительства Бела Куна в Венгрии, помогал контрреволюции на юге России, установил американскую экономическую блокаду против Советов, всячески потворствовал попыткам Польши получить новую территорию на Украине и в последние дни своего президентства одобрил план, рассчитанный на то, чтобы лишить Ленина власти. Если наряду с этим оказывалось противодействие японскому проникновению в Сибирь, то это никак не изменяло резкого антагонизма Вашингтона по отношению к советскому правительству»⁶⁸.

Вопреки утверждениям реакционных американских историков типа Унтербергер, Кеннана и др., исторические факты говорят о том, что США не только не оказывали противодействия японской интервенции, но сами проявляли инициативу в этом вопросе. Еще в первых числах ноября 1917 г. правительство Соединенных Штатов обратилось к Англии с предложением об использовании японских войск для интервенции на Дальнем Востоке. Сообщая о готовности английского правительства поддержать начин США, Ллойд-Джордж писал в госдепартамент: «Если оно (правительство США. — А. К.) считает, что японцев можно уговорить отправить экспедиционные войска в Россию, то мы поддержим его всеми возможными путями»⁶⁹.

Несмотря на наличие империалистических противоречий между США и Японией, использование японских войск представлялось американскому правительству наиболее эффективным средством осуществления интервенции на Советском Дальнем Востоке. При этом США, одна-

⁶⁷ Там же, стр. 92, 101, 128—129, 135, 179.

⁶⁸ W. Williams. American-Russian Relations 1781—1947, p. 170.

⁶⁹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Russia 1918». Vol. II, pp. 1—2.

ко, возражали против требования Японии о предоставлении ей полной свободы рук в качестве единственной интервенционистской силы. «Любая военная экспедиция в Сибирь... — подчеркивал госдепартамент в меморандуме от 8 февраля 1918 г., — должна быть предпринята путем международного сотрудничества, а не какой-либо одной державой, действующей по уполномочию других»⁷⁰. Американское правительство выдвинуло в противовес японскому свой план, предусматривавший руководящую роль США в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке.

Разногласия между США и Японией в вопросе о японской интервенции, которые усиленно раздувают Унтербергер, Кеннан и др., действительно имели место, но касались они не существа вопроса, то есть быть или не быть интервенции, а условий ее осуществления. Стремясь свергнуть Советскую власть, каждый из участников интервенции боролся вместе с тем за максимальную долю в империалистическом грабеже.

На основе договоренности с США 5 апреля 1918 г. во Владивостоке был высажен японский десант⁷¹, а 8 июля того же года между США и Японией было заключено официальное соглашение о совместных военных действиях на Дальнем Востоке и в Сибири⁷². В мае 1918 г. американское правительство высадило войска в Мурманске, а в августе — во Владивостоке. По-разбойничьи вторгшись на советскую территорию, американские войска не только приняли активное участие в боевых действиях против Красной Армии, но совершали расправу с мирными жителями.

Эти исторические факты хорошо помнят советские люди. Они представляют собой именно ту «преобладающую и явную тяжесть доступного фактического материала», которая, по словам Кеннана, является «верховным арбитром в историческом споре»⁷³. Бесспорные факты никак не вяжутся с утверждениями некоторых американских авторов о «благородной Америке», якобы руководившей в своих действиях всецело чувствами «дружбы» к советскому народу. Советский народ помнит, говорил Н. С. Хрущев во время своего пребывания в США в 1959 г., что «в тяжелое время после Октябрьской революции американские солдаты под руководством своих генералов высаживались на советской земле, чтобы помочь белогвардейцам бороться против нашего советского строя»⁷⁴.

Между тем советское правительство, со своей стороны, неизменно стремилось к установлению нормальных, дружественных отношений с США. В обращении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к конгрессу и президенту США Гардингу от 20 марта 1921 г. отмечалось: «С первых же дней своего существования Советская Россия надеялась на возобновление скорого установления дружественных отношений с великой Североамериканской республикой и твердо рассчитывала, что между обеими республиками создадутся тесные и устойчивые связи к взаимной выгоде. В тот момент, когда со стороны держав Антанты началось вторжение в пределы Советской России без объявления войны и без всякого вызова с ее стороны, Советское правительство неоднократно обращалось к американскому правительству с предложением принять меры, чтобы положить конец кровопролитию. Даже тогда, когда американские войска вместе с другими участвовали в нападении на Советскую Россию, правительство Советской республики продолжало выражать надежду на скорое изменение американской политики по отношению к ней... Но президент Вильсон, без всякой причины и без объявления войны

⁷⁰ Там же, стр. 41—42.

⁷¹ Там же, стр. 100.

⁷² Там же, стр. 267—268, 270.

⁷³ G. Kennan. *Soviet Historiography and America's Role in the Intervention*. «American Historical Review», January 1960, p. 302.

⁷⁴ «Правда», 22 сентября 1959 года.

напавший на Российскую республику, за все время своего управления проявлял растущую враждебность к Российской республике...»⁷⁵.

Политика военной интервенции против Советского государства, активным организатором и участником которого являлось правительство США, провалилась. Несмотря на свои превосходящие силы, интервенты терпели поражение за поражением и в конечном счете под натиском Красной Армии и по требованию своих народов были вынуждены вывести свои войска с нашей земли. Провал антисоветской интервенции в тех исторических условиях означал для американских империалистов вместе с тем крах их планов завоевания мирового господства, которые они упорно вынашивали с конца XIX века.

Подводя итоги, необходимо отметить, что усиленное внимание, которое реакционные буржуазные историки США уделяют в последние годы начальному периоду советско-американских отношений, не случайно. Оно преследует определенные политические цели. Под видом поисков «ошибок» американской дипломатии не только совершается фальсификация истории, но и внушается читателю мысль, что все невзгоды США на международной арене якобы обусловлены этими «всеопределяющими» субъективными «ошибками», а не объективным ходом исторического развития. Реакционные историки пытаются отрицать всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества и преградившей путь всем империалистическим претендентам на мировое господство.

Посредством клеветы на исторический Декрет о мире делается попытка подорвать доверие к ленинской политике мирного сосуществования, последовательно проводимой советским правительством с момента его создания.

Буржуазные реакционные историки (в который раз!) хотят прикриты активную, ведущую роль США в антисоветской военной интервенции, изображая их в качестве вынужденных, пассивных пособников Англии и Франции. При этом интервенция ими трактуется не как военное нападение на Советскую Россию, а как... операция в войне против Германии. Этим самым они пытаются отрицать классовый характер той враждебной политики, которую американские правящие круги проводили в отношении молодого Советского государства.

Путем фальсификации существа антисоветской вооруженной интервенции империалистических держав в 1918—1920 гг. американские реакционные историки стремятся подвести историческую «базу» под нынешнюю агрессивную политику США в отношении Советского Союза. Не США, высадившие войска на советскую территорию в целях оказания «помощи» русскому народу, а советское правительство, нарушившее якобы союзные обязательства России и заключившее сепаратный мир с Германией, несет ответственность за враждебные отношения, установившиеся между обеими странами,— таков вывод, которым ряд буржуазных историков услужливо снабжает своих политических деятелей.

Отсюда ясно, почему реакционные историки так яростно выступают против разоблачения советскими историками руководящей роли США в антисоветской интервенции. Речь идет не больше, не меньше, как о попытках снять с США вину за проводимую американскими правящими кругами политику «холодной войны», за агрессивные действия, направленные на развязывание новой войны против Советского Союза и других стран социалистического лагеря.

⁷⁵ «Документы внешней политики СССР», М. 1960, стр. 9—10.

Правда о той агрессивной роли, которую США играли по отношению к Советской республике с самого момента ее создания, выбивает почву из-под ног идеологов политики «с позиции силы», пытающихся представить империалистическое государство США в качестве исконного «друга» русского народа и таким путем замаскировать агрессивный характер американской внешней политики.

Политические деятели и историки типа Кеннана, клеветая на советскую политику мирного сосуществования, вместе с тем пытаются изобразить себя сторонниками этого мирного сосуществования. Однако в качестве условия мирного сосуществования Кеннан и иже с ним ставят отказ советского правительства и Коммунистической партии от идеологической борьбы, отказ от марксизма-ленинизма и капитуляцию перед реакционным мировоззрением Запада. В частности, Кеннан предлагает советским историкам отказаться от бесспорной исторической истины о том, что США являлись организаторами и активными участниками военной интервенции против Советской России. При таком условии он готов даже на такую милость, как «сокращение разницы во взглядах, которая сейчас разделяет» буржуазных историков США и советских историков⁷⁶.

Нам еще раз хочется напомнить г-ну Кеннану и его коллегам, что Коммунистическая партия и советское правительство, проводя политику мирного сосуществования государств с различными социальными системами, ни на миг не отказывались и ни при каких условиях не откажутся от идеологической борьбы с лагерем капитализма. Советский Союз согласен идти и идет на разумные уступки в международных отношениях. «Но нельзя смешивать взаимные уступки в интересах мирного сосуществования государств,— подчеркивает Н. С. Хрущев,— с уступками в принципах, в том, что касается самой природы нашего социалистического строя, нашей идеологии. Здесь ни о каких уступках и каком-либо приспособлении не может быть и речи. Если будут уступки в принципах, в вопросах идеологии, то это будет означать сползание на позиции наших противников. Это будет означать качественное изменение политики, будет предательством дела рабочего класса»⁷⁷.

⁷⁶ G. Kennan. Soviet Historiography and America's Role in the Intervention. «American Historical Review», January 1960, p. 322.

⁷⁷ Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн. Т. II. М. 1960, стр. 350.